

Rachmaninoff is a composer with a clearly and frankly expressed inclination toward the musical ideas of the past. He has organically merged with his own, now somewhat old-fashioned, style and, among contemporary composers, stands apart, being the last of the musical Mohicans of the past century, stubbornly ignoring new trends in music. Borrowing the formulas of neoclassicism, he, however, rose to the point of completely adapting them to his musical individuality; He subjugated the technical writing techniques bequeathed to Russian music by Tchaikovsky, and, having subjugated them, refreshed the old style, introducing into it elements of originality and spontaneity. If in some of the works performed by Rachmaninoff these elements are weakly expressed - and his work then leaves the impression of echoes of the musical past - then in those of his compositions where the author's individuality is more noticeable (piano concertos), Rachmaninoff leaves a strong, indelible impression. This impression is especially strong when these works are performed by the author himself. All the outstanding virtues of Rachmaninoff's playing are well known to the people of Petrograd. The impeccable purity of his performance, the broad scope and noble ambience, a special sincerity and spontaneity that brings the listener closer to the performer and captivates all attention and feeling—these are his distinctive features. But Rachmaninoff the performer also has a major flaw: he himself is a composer with a fully defined personality duality, with a clearly defined artistic "I." The performer's gift lies in the ability to fully transform and be receptive to all possible forms of musical speech. Musical beauty is perceived by each person in their own way, and therefore, in conveying a musical work, the performer individualizes it, imprinting upon it the stamp of their artistic self. The more significant and individual this artistic "I" of the performer, the stronger and more noticeable is the stamp it leaves on the works. Rachmaninoff in our time, in the process of growing his talent as a composer, has reached full creative maturity, and his artistic "I" is so significant that the stamp it leaves on the works of the authors he performs changes their characteristics, giving them the traits of the performer himself. This was especially evident in Rachmaninoff's performance of Scriabin's works. Instead of Scriabin's cosmic outbursts, one heard the passionate, pathetic cries of Rachmaninoff himself; Scriabin's transcendental, super-sensuous melody was brought down from the clouds to earth, acquiring all the features of Rachmaninoff's melodies: an elegiac, languid character and romantic warmth. Both concerts (in the Small Hall of the Conservatory) were a great success; Rachmaninoff achieved full recognition of his musical talent in our capital. M. Glinsky.

[Translation: Google]

Рахманиновъ композиторъ съ вполне ясно и откровенно выраженнымъ уклономъ въ сторону музыкальныхъ идей прошлаго. Онъ органически сросся со своимъ, нынѣ нѣсколь-ко старомоднымъ, стилемъ и въ ряду современныхъ композиторовъ стоитъ особнякомъ, являясь послѣднимъ изъ музыкальныхъ мо-гиканъ прошлаго столѣтія, упорно не замѣ-чая новыхъ теченій въ музыкѣ. Заимствуя формулы неоклассицизма, онъ, однако, воз-высился до полного приспособленія ихъ къ своей музыкальной индивидуальности; онъ подчинилъ себѣ техническіе приемы письма, завѣщанные русской музыкѣ Чайковскимъ, а, подчинивъ ихъ, освѣжилъ старый стиль, внесши въ него элементы самобытности и непосредственности. Если въ нѣкоторыхъ изъ исполненныхъ Рахманиновымъ произведеній эти элементы выражены слабо-и творчество его тогда производитъ впечатлѣніе отзвуковъ музыкальнаго прошлаго, -то въ тѣхъ его со-чиненіяхъ, гдѣ индивидуальность автора ска-зывается замѣтнѣе

(фортепианные концерты), Рахманиновъ производитъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это особенно сильно, когда эти произведенія исполняются самимъ авторомъ. Всѣ выдающіяся достоинства игры Рахманинова хорошо извѣстны петроградцамъ. Безукоризненная чистота исполненія, широкій размахъ и благородный пафосъ, какая-то особая искренность и непосредственность, сближающая слушателя съ исполнителемъ и захватывающая все вниманіе и чувство-вотъ эти отличительныя особенности. Но Рахманиновъ-исполнитель обладаетъ и крупнымъ недостаткомъ: онъ самъ ком-Авторъ съ полнымъ опредѣлившейся личности дуальностью, съ ясно очерченнымъ художественнымъ «я». Дарованіе исполнителя заключается въ способности полного перевоплощенія и воспріимчивости ко всевозможнымъ видамъ музыкальной рѣчи. Музыкальныя красоты воспринимаются каждымъ по своему, и поэтому, передавая музыкальное произведеніе, исполнитель индивидуализируетъ его, налагая на него печать своего художественнаго «я». Чѣмъ значительнѣе и чѣмъ инди-видуальнѣе это художественное «я» исполнителя, тѣмъ сильнѣе и замѣтнѣе печать, налагаемая имъ на произведенія. Рахманиновъ въ наши дни достигъ въ процессѣ роста своего композиторскаго таланта полной творческой зрѣлости, и его художественное «я» настолько значительно, что печать, налагаемая имъ на произведенія исполняемыхъ Рахманиновымъ авторовъ, измѣняетъ ихъ особенности, придавая имъ черты самого исполнителя. Это съ особенной очевидностью сказалось въ исполненіи Рахманиновымъ произведеній Скрябина. Въмѣсто космическихъ по-рывовъ Скрябина слышались страстные патетическіе вопли самого Рахманинова; заоблачная, сверхчувственная мелодія Скрябина была низведена съ облаковъ на землю, получивъ всѣ черты мелодій Рахманинова: элегически томный характеръ и романтическую теплоту. Оба концерта (въ Маломъ залѣ Консерв.) имѣли большой успѣхъ; Рахманиновъ добился въ нашей столицѣ полного признанія своего музыкальнаго таланта.